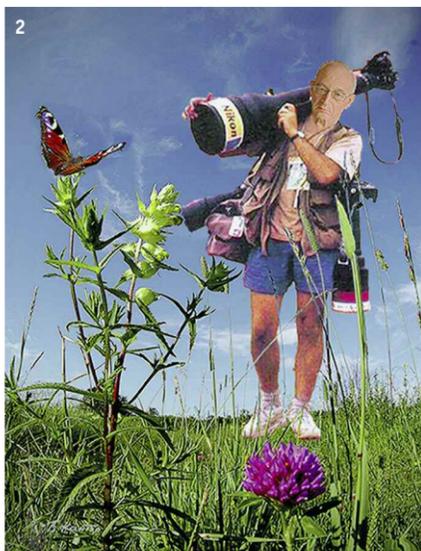

1. Борис Зиновьевич Кантор. Автопортрет.

2. Просто шутка.

Б.З. Кантор

Российское минералогическое общество
boris_kantor@mail.ru

Редакция «Минералогического альманаха» попросила рассказать, как я стал коллекционером и любителем минералов.

Так случилось, что коллекционером минералов я становился трижды. Первый раз в 1937 г. — в дошкольном детстве, когда мне подарили «Занимательную минералогию» А.Е. Ферсмана. От замечательных картинок и волшебных слов «турмалин», «халцедон», «углекислая соль» захватывало дух. Вот бы самому найти какой-нибудь минерал! Хотя бы топаз там или исландский шпат... Чтобы смотреть на него и держать в руке, сколько захочу, и всем показывать, а больше ни у кого такого нет... Летом на даче я становился уральским горщиком и искал минералы. Ничего не находил, но очень хотелось; и уверенность, что найду, меня не покидала. В семь лет все мы большие оптимисты.

Мама сводила меня в Минералогический музей. Зрелище меня потрясло. Я был сам не свой, не хотел уходить. Твердо решил: стану минерологом! Так именно и говорили: минеролог. Понимая мои чувства, родители купили мне в магазине готовую коллекцию — шестнадцать образчиков с ногот в коробочке с ячейками. Я поминутно щупал свои сокровища и любовался ими. И весь я был в этом мире серного колчедана, цинковой обманки и всего прочего. Там был даже настоящий драгоценный камень — аквамарин!

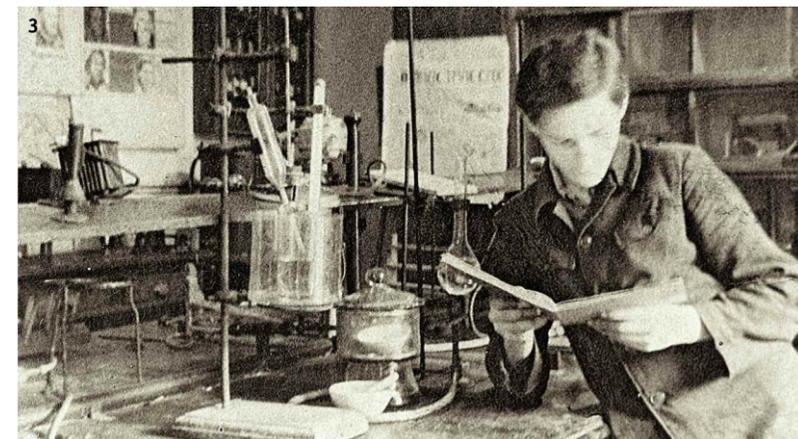
Но — как началось, так и кончилось. Во втором классе я увлекся химическими опытами и забыл про минералы. Потом война, эвакуация... Вернувшись в Москву, все свободное время пропадал в химической лаборатории Центральной станции юных техников. Там уже были серьезные дела, синтез дихлордифенил-сульфида — средства против туберкулеза, металлоорганические соединения...

Окончив школу в 1948 году, поступал на химический факультет Московского университета, и поступил, но не в университет, а в Московский автомобильно-дорожный институт. Окончив его, занимался вероятностными расчетами электроснабжения городского транспорта, защитой от индуктивного влияния высоковольтных линий электропередачи и т.п.

После напряженной работы над диссертацией и защиты в 1967 году возник некий вакуум, ждавший заполнения. Вспомнил детство и решил помочь сыну-пятикласснику собрать маленькую коллекцию минералов для уроков природоведения в школе. Летом мы жили под Москвой недалеко от Гжели, и то там, то сям попадались куски привозного керамического сырья — полевого шпата, иногда с черным турмалином или фиолетовыми кубиками флюорита. А в местном известняковом карьере мы добывали красивые жеоды с кристалликами горного хрусталя.

К началу учебного года задача была выполнена: коробка из-под десятка яиц заполнилась образцами. Но охота за минералами уже стала самоцелью, и до зимы мы все выходные проводили в подмосковных карьерах. И книжки читали, какие могли достать. Так через тридцать лет я опять стал коллекционером.

3. Борис Кантор в химической лаборатории Центральной станции юных техников, 1947 г. Фото из семейного архива Б.З. Кантора.

Рано или поздно какой-нибудь случай выводит начинающего собирателя на широкую и ясную дорогу. Наш случай был из разряда анекдотических. В карьере возле Подольска мы нашли большую глыбу магнетита. Откуда в известняковом карьере большая глыба магнетита? Никто не мог толком объяснить нашу находку, и нас послали к тому, кто уж точно сможет. Увидели мы крепкого мужика с серьезными кулаками. Говорил насмешливо-иронично, но слушал внимательно, и было видно, что человек этот владеет даром острого сосредоточения на предмете. Так я познакомился с Виктором Ивановичем Степановым, высшим минералогическим авторитетом тех лет, мыслителем и практиком, человеком независимых убеждений и твердых принципов, прошедшим войну боевым офицером, а тогда это много значило в глазах окружающих. В.И. Степанов был не просто высококлассным профессионалом. В его представлении минерал был как живой, он рождался и жил своей индивидуальной жизнью, обретая «личные» черты под воздействием внешних стихий. И это были не цветистые слова и вольные фантазии, а настоящая наука со своей логикой и системой доказательств. Двадцать лет дружбы с этим необыкновенным человеком до его ухода в мир иной в 1988 году, его идеи и образ мысли, наши бесчисленные споры, нелегкие дни и месяцы работы в поле плечом к плечу оказали огромное влияние на мои минералогические интересы и жизненную позицию. И до сих пор я сверяю свои дела и мысли по Степанову.

С «поля» он привозил множество образцов, и мы помогали разбирать их в том знаменитом подвале, где находились его коллекции и рабочее место. Подвал был еще и неформальным научным центром. К Степанову стекались коллеги и любители отовсюду, даже из-за границы, — посоветоваться, выслушать его мнение, поспорить, посмотреть его коллекции — аккуратно препарированные, «кабинетного» размера образцы в картонных коробочках с подробными этикетка-

ми. То было время становления советской школы минералогов-онтогенетов, протекавшего в бурных дискуссиях, чему я оказался свидетелем и постепенно почувствовал себя вовлеченным. В подвале у Степанова я познакомился со многими известными учеными — М. Малеевым, А.Г. Жабиным, Ю.М. Дымковым, Н.П. Юшкиным и другими.

Весна 1968 года стала первым сезоном сознательных поисков. Как только сошел снег, мы начали вместе рыскать по подмосковным карьерам и обнажениям. Это уже была не просто охота за образцами для коллекции. Это были замечательные экскурсии с интереснейшими лекциями и обучением приемам полевой работы. В овраге у села Старая Ситня нашли богатое проявление халцедона, и спустя годы сделанные там находки послужили мне материалами для работы о генезисе агатов.

А на майские праздники отправились, по совету В.И. Степанова, в Керчь. В Камыш-Бурунском карьере и на береговых откосах собрали эффектные сферолиты барита, образцы анапайта и, конечно, вивианит в раковинах. Часть находок отнесли в Минералогический музей имени А.Е. Ферсмана. Начался «вивианитовый бум»: любители стали ездить на Керченский полуостров и привозить образцы, намного превосходившие наши находки.

В то время, в конце 1960-х годов коллекционирование минералов становилось все более популярным. В Москве и раньше было немало любителей, но занимались они в основном обработкой декоративного камня, лишь считанные единицы коллекционировали минералы. А тут коллекционерство стало распространяться и расти как на дрожжах.

Мы много ездили вместе и за пределами Подмосковья: Еловый Наволок, Тербес-остров, Питкяранта в Карелии, Хайдаркан, Лухуми, Дашкесан... В Хайдаркане (Ю. Киргизия) я целый месяц работал коллектором в отряде Степаова. Тамощные карьеры и штольни, пещеры и восстающие стали бесценной школой. Поработал на месторождениях Урала —